

Когда я был маленьким, где-то в классе первом-втором, была у нас однокомнатная квартира, причем, когда мы могли общаться с другими ребятами, зачастую спали вместе со старшими братьями или иногда у соседей. И вот однажды я заметил, что старший брат, когда он подумал, что я уснул, вдруг начал заниматься каким-то непонятным делом. Он своей рукой начал что-то делать в своих трусах. Я тогда ещё не понимал, что и зачем он так делает. Я притворился, что ничего не заметил, а он через некоторое время успокоился и уснул. Уже потом, позже, когда к нам приходили его друзья, иногда допоздна задерживались у нас, поэтому, с разрешения родителей им позволяли оставаться ночевать у нас. И поскольку мы тогда все ложились спать на полу и вот тогда я заметил, что мой брат вместе с другом начинали играть со своими «писями», засовывая руки, друг другу в трусы и при этом смеялись, чего-то шептали, шушукались. Мне в ту пору было где-то 9 или 10 лет. А брату в то время было 13 или 14 лет, как и его друзьям. Конечно же, они немного меня стеснялись и в ответ на вопрос:

- А чего это вы там делаете? - отвечали уклончиво:

- Тебе ещё рано знать, вот подрастешь, тогда и узнаешь! Спи, давай!

На что я, соответственно обижался (был в то время я вредным) и заявлял:

- А вот возьму и мамке расскажу, чем вы тут занимаетесь!

Поскольку я в то время обо всем говорил матери, то они боялись и стращали меня:

- Попробуй, расскажи, убьём!

Обидевшись, я повернулся к ним спиной и стал, было, засыпать. Но меня беспокоили какие-то непонятные шорохи, их шёпот, иногда ощущалась тряска, слышалось их учащенное дыхание: Потом шепот:

- Ну, скоро ли? - это был голос друга, на что в ответ:

- Ещё немного, совсем скоро!

Потом послышался негромкий стон, а поскольку я лежал ближе к брату, то почувствовал некоторое подергивание его ног: Затем затишье.

- Наконец-то, угомонились! - подумал я.

Откуда было мне тогда знать, какую тайну они от меня скрыли. Так я и не узнал то таинство, которое они творили с собой. Где-то в душе я понимал, что они делали что-то такое, которое мне возможно и не нужно было знать. А тогда была мечта всех младших по возрасту - побыстрее бы вырасти!

Прошло какое-то время. Правда, одно событие было для нас радостью, мы наконец-то получили квартиру, переехали в дом. Там аж целые хоромы, большой зал, спальня и кухня. Спальня и стала нашей комнатой. Мы как жили, так и продолжали учиться, играть, гонять в футбол. Даже как-то стало забываться те недавние события. А я как спал, так и продолжал спать в одной кровати с братом. Правда, тот был недоволен этим, уж очень ему хотелось спать отдельно, объясняя родителям:

-Да, тесно с ним, к тому же пинается!

Но, поскольку, тогда не было возможностей, отец один работал, да и братик к тому времени появился. Он спал в зале, на качалке-кровати. Вот и приходилось ему терпеть моё присутствие.

Однажды, когда я вновь заметил, что мой брат опять занимается своей писью, я задал ему вопрос:

- Зачем ты это делаешь? Только не говори, что я маленький! Я уже большой!

- Ну, ладно, так уж быть, только никому ничего не рассказывай, даже своим друзьям!

Клянись!

Получив от меня такой ответ, который ему, по-видимому, был нужен, стал меня учить разуму:

- Вот потрогай, видишь какая у меня писька?

Я действительно, просунув руку в его трусы, нащупал его письку, она была твёрдая, горячая и огромная. Никогда я ещё не трогал таких размеров, я был глубоко поражен.

- А почему? - спросил его.

В ответ он засмеялся и сказал:

- Ой, какой ты глупый!

Увидев, что я вновь обиделся, и отвернулся от него, он немного смягчился, обняв меня, стал шептать мне на ухо:

- Слушай, братан, сделай одолжение, поиграй с моей писью. Ты ещё не понимаешь как это приятно и хорошо!

- Вот ещё! Тебе надо, ты и занимайся! - в ответ буркнул я. Горячий его шепот:

- Ну, пожалуйста! Ну, чего тебе стоит? А?!

Меня тронуло то, что никогда ещё он со мной так не разговаривал. Да, и, по-видимому, простое моё любопытство, сумело меня заставить ответить ему:

- Ну, ладно! Только ты мне потом расскажешь, зачем это тебе надо?!

- Хорошо! Не только расскажу: ну, в общем, это потом узнаешь! - таков был его ответ.

Просунув руку в его трусы, я вновь почувствовал его горячую, очень твёрдую, как камень, и огромную писю.

- Возьми, ты её, в руку, дурак, не так, обхвати ладонью, палец большой оттопырь: вот так! Ну, как палку, вокруг обхвати и зажми в кулак: А теперь, начни водить рукой вверх и вниз, да не так, медленно, и доводи до конца, чувствуешь, где мои яички: Вот молодец!

Сам при этом он закрыл глаза, в темноте глаза-то привыкают, поэтому видно мне стало. Он неподвижно лежал некоторое время на спине, затем стал мне шептать:

- Да, дурак, не зажимай, нежно так: Вот так:

Дыхание его при этом стало несколько учащённым. Затем он вообще приспустил свои трусы, чтобы было мне удобней делать. Я продолжал двигать рукой вверх и вниз. Одеяло было отброшено, и я мог видеть воочию всё, что происходит. Действительно, его писька была невероятных размеров, она вылезала из моих зажатых кулачком пальцев. Я был удивлен ещё тем, что кожа на письке двигалась подобно мягкой ткани, при этом, чувствовалось биение сердца в моих пальцах. По-моему, писька его ещё больше и сильнее раздулась, потому, как пальцы мои не могли уже обхватывать вокруг. Он же мне шептал:

- Давай, давай, братишка, мой милый! Ой, как здорово, и хорошо, если бы ты знал?! Только давай чуть побыстрее! Ещё быстрее!

Он уже не лежал как прежде спокойно, весь начал двигаться, перебирать ногами, временами весь выгибался, от этого его писька поднималась выше и выше, а мне было интересно наблюдать за этим, хотя уже стала уставать рука и начала понемногу ныть. Вспомнив тот первый вечер, когда он с другом занимались "этим", заныл:

- Скоро ли?!

В ответ:

-Давай, давай, ещё совсем немножечко!

- У меня рука устала!

- А ты тогда сменяй руку, так будет легче! И если вновь почувствуешь, что устает, то меняй чаще!

Уж не помню, сколько времени это продолжалось, не засекал по часам. Но только, стал замечать, что мой брат стал всё более нетерпеливым, стал чаще двигать своей попой, ногами, выгибаться все чаще и сильнее. Потом я почувствовал, как его пися стала такой твёрдой и упругой, биение сердца стало более отчетливым, что он вновь приподнялся и замер, весь, задрожав, судорожно сжимая ноги, сам при этом застонал и что-то тёплое и мокрое, скользкое потекло по моим пальцам. При этом казалось, что выбрасывается фонтаном, небольшими порциями. Затем он затих, обмяк. Его пися ещё была большой и распухшей, но уже не такой твердой.

- Ну, вот и всё! Спасибо тебе братишка! - прошептал он.

Затем он привстал, вытер своими трусами мои пальцы и то место, куда стекла какая-то жидкость. Поначалу я думал, что он описался, но он успокоил меня, сказав, что это то, ради чего всё это делается, что это называется "малофьёй", и что от неё бывают дети. Дальше он рассказал, что этим занимаются много пацанов и процесс этот называется дрочкой.

- Тебе, наверное, ещё рано, хотя попробовать можно!

После этих слов, он стал своей рукой трогать и гладить мою письку, я сам иногда, когда ходил в туалет пописать, трогая свою писю, замечал, что это щекотно и приятно. От его прикосновений моя писька стала также набухать и становиться тверже, но всё равно была маленькой, и тонким карандашиком. Удивительно то, что мне также было щекотно и приятно. И я не мешал ему забавляться моей писькой. По мере того, как он продолжал теревить, гладить, водить зажатými пальцами вверх и вниз я стал замечать, что щекотка стала нарастать, временами начала становиться очень сильной, отчего я начинал смеяться. В какой-то момент, щекотка стала такой сильной, что я стал просить его перестать играть с моей писькой.

- Дурачок же ты, потерпи, дальше будет ещё лучше и приятней!

И, действительно, чем дальше он играл с моей писькой, тем приятней становилось мне, что я закрыл также как он свои глаза, а перед ними стали плыть какие-то причудливые, разноцветные волны, они то сгущались, то растворялись: Мое дыхание стало таким же отрывистым и частым, временами вообще затаивал дыхание и наслаждался теми ощущениями, которые росли все больше и больше. Дальше я не могу описать, что произошло со мною. Ощущения стали нарастать таким образом, что уже терпеть это стало невозможным, я не помню, возможно, и я двигал своей попой навстречу его руке, (правда он не зажимал в кулаке, как я у него, а только двумя пальцами обхватив письку), что в один из моментов, как будто ток прошёлся по мне, всё больше и больше дрожь охватила меня, меня куда то понесло вверх, ввысь, навстречу этим цветным звездочкам и волнам, и что-то горячее полилось из моей письки: Этот момент нельзя забыть, это было несравнимо ни с чем, настолько было для меня приятным. Правда, брат, мне сказал, что моя малофья ещё незрелая, так как ещё молод, она и впрямь была прозрачной, но липкой и скользкой.

- Ну, вот, теперь и ты знаешь, зачем я это делаю, и мои друзья. И если хочешь, мы можем

повторить это завтра, послезавтра: Только прошу никому не рассказывать! Дашь честное слово?

После этого мы уснули как убитые